

ПРЕСТУПНЫЕ
КАМНИ

Лучшие детективы о драгоценностях

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

Преступление
в десять
карат

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *Д. Сазонова*

Редактор серии *А. Антонова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46

Преступление в десять карат / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Преступные камни. Лучшие детективы о драгоценностях).

ISBN 978-5-04-112091-7

Очень опасно иногда спешить на премьеру в Мариинский театр, особенно если на сцену готовится выйти несравненная Анна Нетребко. Среди меломанов попадают люди, которые и самого Моцарта готовы слушать вполуха, — их больше интересуют чужие жены в соседних ложах и бриллиантовые украшения на дамах из высшего общества. Леня Маркиз, известный среди аферистов не меньше, чем Нетребко у любителей оперы, именно в театре и ввязется в очередную аферу с бриллиантами. Чтобы заменить поддельное кольцо на настоящее, у него есть всего четыре дня, иначе следующую «Женитьбу Фигаро» в Мариинке точно дадут уже без него...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112091-7

© Александрова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Театральная площадь была запружена машинами, причем в основном автомобили были очень дорогие — «Мерседесы», «Ягуары», парочка «Бентли» и даже «Майбах». Машины аккуратно выстраивались на парковке напротив театра, из них неторопливо выходили пассажиры — мужчины в отлично сшитых смокингах, твердо ступающие по земле и окидывающие площадь уверенным взглядом, а также их спутницы — дамы в вечерних туалетах, увешанные драгоценностями.

Все это сборище явилось на премьеру «Женитьбы Фигаро» Моцарта. Мало того, что исполнялась известная, красивая и популярная опера, так еще и в главной роли была сама прима Анна Нетребко, весьма нечастая гостья в родном театре. Партию Фигаро исполняет заезжий итальянский певец, очень известный. Дирижирует сам маэстро Гергиев.

Было от чего прийти в ажиотаж любителям оперы. Впрочем, если честно, среди бомонда, буквально запрудившего Театральную площадь, настоящих ценителей оперы было немного. Премьера, Нетребко — это престижно. Тонкий ручеек настоящих театралов робко вливался в боковую дверь театра, чтобы тотчас затеряться на галерке и верхних ярусах (деньги за билеты на премьеру брали немереные, в партер не попасть, все ложи были раскуплены заранее).

Серебристый «Ягуар» аккуратно припарковался в ряду других машин, из него выскочил расторопный водитель в форме — френч, застегнутый на множество блестящих пуговиц, и фуражка с лакированным верхом. Водитель торопливо открыл дверцу и помог выбраться даме в длинном серебристо-сером платье (под цвет «Ягуара»). Платье было сильно открыто, почти без спины, так что, несмотря на лето, дама накинула на плечи шиншиловый палантин.

Многие дамы были в мехах — в августе в нашем городе прохладно, особенно к вечеру.

Рядом припарковался черный «Мерседес», и его хозяин, бизнесмен средних лет, невольно сравнил роскошную даму со своей женой, сидевшей рядом. Что и говорить, дама была хороша, и вовсе не потому, что в чужой тарелке суп всегда жирнее. Высоко забранные каштановые волосы, темные живые глаза, длинная шея, покатые плечи... Вылезая из автомобиля, дама на миг показала стройную ножку в темно-серой итальянской «лодочке». Вид был чрезвычайно приятный.

К даме подошел ее спутник — мужчина лет сорока в отлично сшитом костюме от «Бриони» с приятной, но совершенно незапоминающейся наружностью. Мужчина предупредительно подал своей даме руку, и они неторопливо прошли к дверям театра. Сзади вышколенный шофер нес большую корзину с белыми лилиями, которые одуряюще пахли, перебивая запахи духов.

— Ну что ты мешкаешь, — раздраженно окликнула жена хозяина «Мерседеса».

«Надо менять», — подумал он, слушая ее неприятный, визгливый голос.

— Боже мой! — счастливо вздохнула дама в шиншилле. — Неужели я — на премьере? Какой подарок ты мне сделал, дорогой!

— Без фанатизма, дорогая, — ответил он невпопад.

Дама, однако, все поняла верно и улыбнулась.

В помещении театра мужчина ненадолго оставил свою даму и подошел к окошечку администратора.

— Мы в ложу Сидоровского, — сказал он, — вам звонили...

Среди богатой публики давно уже стало модно бронировать постоянную ложу на сезон, как это делали раньше, начиная с восемнадцатого века, просвещенные петербуржцы. Про Антона Павловича Сидоровского в театре знали, что он сам не ходит на спектакли вообще, а ложу бронирует исключительно для престижа. Его жена иногда посещает особо значимые премьеры, но сейчас, надо думать, она на курорте. Утром действительно был звонок от секретаря Сидоровского, так что администратор выдал симпатичному мужчине с приятной, но незапоминающейся наружностью входные билеты.

Дама в шиншилле озабоченно оглядела себя в зеркале. Собственно, забота ее относилась не столько к внешности, сколько к сумочке. С внешностью, как уже говорилось, у дамы было все в порядке. Небольшая серая сумочка же вела себя очень странно. Она шевелилась и перекатывалась, внутри что-то скреблось и вибрировало. Дама прижала сумочку локтем, приоткрыла застежку и сказала что-то внутрь сумочки, тихо и ласково.

Очевидно, там услышали, потому что сумочка затихла.

Мужчина предъявил билеты, но тут возникла заминка с корзиной, водителя не хотели пускать без билета.

— Ладно уж, сам донесу, — слегка поморщился мужчина и перехватил корзину сильной рукой, — сам и вручу...

В нижнем коридоре, где находятся ложи бенуара, прохаживался капельдинер — чисто выбритый немолодой мужчина с пышной седой шевелюрой. Он был одет в несколько потертый черный смокинг с «бабочкой» и белые перчатки. Он слегка замешкался, отпирая нужную ложу, и вдруг заметил, что из серой дамской сумочки выглянула крошечная пушистая мордочка с яркими выразительными глазами. Песик породы чихуахуа завертел головой, ему было все интересно: прежде ему не доводилось бывать в оперном театре.

— Что это? — От удивления капельдинер пустил голосом петуха.

— Не что, а кто, — нежно сказала дама. — Это Пу И.

— Пу И нельзя, — строго сказал капельдинер, — уж не знаю, кто он у вас, но нельзя. Ни с котами, ни с собаками, ни с крысами, ни с черепахами сюда нельзя!

— И что же нам делать? — мирно поинтересовался мужчина, сунув руку в карман за бумажником.

— Вы должны сдать его в камеру хранения! — твердо ответил капельдинер.

— Что-о? — вскричала дама. — Я не ослышалась? Вы предлагаете сдать мое самое близкое существо, этого милого ангела, в камеру хранения, как будто он — старый чемодан или зонтик?

На них стали оглядываться проходившие зрители.

— Уважаемый... — спутник дамы протянул капельдинеру приятно шуршащую купюру, — думаю, мы решим этот вопрос к общему удовлетворению...

— Нет, не решим! — Несговорчивый капельдинер отстранился. — А если он залает во время арии? А если он упадет в партер? Или побежит по залу в самый неподходящий момент?

— Да зачем ему бегать? — пылко вступила дама. — Мой Пу И — такой меломан! Он обожает Моцарта!

— Нельзя! — твердо стоял на своем капельдинер.

Мужчина начал проявлять признаки нетерпения, в это время в коридоре появился другой капельдинер, постарше и повальяжнее. Этот тоже имел красивую седую шевелюру, а кроме нее, еще лихо закрученные усы.

— В чем дело? — строго спросил он, обращаясь к своему коллеге, так что стало ясно, кто тут главный.

Его товарищ молча ткнул пальцем в досадное недоразумение, которое считалось собакой и никоим образом не могло присутствовать на премьере (это он так думал). Что думала по этому поводу хозяйка песика, уже известно. Сам же песик выразил свое отношение к противному капельдинеру тем, что попытался под шумок цапнуть его за указательный палец. Однако капельдинер был в перчатках, и особого вреда крошечные зубки песика пальцу не нанесли.

Старший переглянулся с мужчиной и понял его верно.

— Это не собака, — сказал он, — это всего лишь аксессуар. Думаю, этот вопрос мы можем решить положительно, к всеобщему удовлетворению, — сказал он, пряча в карман уже две приятно шуршащие купюры, — только вы должны дать слово, что ваш... — гм! — «аксессуар» будет вести себя прилично...

Мужчина заверил его, что так и будет, он лично проследит за песиком, а дама просто приложила руку к сердцу и выразительно закатила глаза. Сам виновник переполоха сидел в сумочке паинькой, строил капельдинеру глазки и делал вид, что все происходящее его нисколько не касается.

В ложе песик тотчас запросился из сумочки на свободу, но спутник дамы нахмурился и огляделся.

Ложа справа была еще пуста, в ложе слева сидели четверо. Мужчина оперся локтем на барьерчик, затянутый голубым бархатом, и вроде бы невзначай бросил взгляд на соседнюю ложу. Очевидно, увиденное его устроило, потому что он удовлетворенно хмыкнул и слегка кивнул своей спутнице.

Дама в это время занималась своим песиком. Она выпустила его из сумочки, посадила на свободный стул, обитый голубым бархатом, и невольно восхитилась.

Чихуахуа был в вечернем туалете — крошечный смокинг, белый пластрон и блестящая «бабочка».

— Боже, Пуишечка, как же тебе идет этот костюм! — тихонько сказала дама.

Песик поглядел на нее хитрым выпуклым глазом и уселся на стуле поудобнее. Со стороны посмотришь — такой меломан, настроившийся послушать красивую музыку и насладиться пением несравненной Анны Нетребко.

Зрительный зал понемногу затих, в разных его концах послышались отдельные хлопки особо нетерпеливых зрителей.

Из динамика донесся хорошо поставленный голос, который убедительно попросил зрителей на время спектакля выключить свои мобильные телефоны.

— Пуишечка, детка, — проговорила дама в шиншиловом палантине, обращаясь к своей собачке, — Пуишечка, ты слышал, что сказал этот человек? Надеюсь, ты выключил свой мобильник? Ты ведь не хочешь, чтобы тебе кто-нибудь позвонил в самый неподходящий момент и тебя посчитали бы такой невоспитанной собакой!

Песик взглянул на хозяйку озорными черными глазками, как будто говоря ей: «Ты меня за кого держишь? Что я, лох какой-нибудь? Конечно, давно уже все выключил! И вообще, все мои знакомые знают, что я сегодня в театре на премьере!»

Наконец занавес раздвинулся, зрители увидели дворец графа Альмавивы и камердинера графа Фигаро, готовящегося к свадьбе с прекрасной горничной Сюзанной.

Все зрители увлеченно следили за развитием сюжета, и только спутник дамы с собачкой, элегантный господин в костюме от «Бриони», вел себя очень странным образом.

Закрыв на защелку дверь аванложи, он вынул из корзины предназначенные для примы белые лилии. Под букетом оказался аккуратно сложенный пакет с одеждой.

Господин снял свой итальянский костюм, повесил его на спинку кресла и быстро переоделся в одежду, которую достал из пакета, — в смокинг

и белые перчатки, точно такие же, как у театральных капельдинеров.

Затем он подошел к зеркалу, несколькими быстрыми движениями нанес на виски краску, изображающую седину, наклеил на подбородок маленькую стильную бородку, надел очки в золоченой оправе и еще раз придирчиво оглядел свое отражение.

Он не так уж сильно изменил свою внешность, но в то же время стал совершенно неузнаваем: теперь он был неотличим от многочисленных театральных служащих, а их никто не разглядывает — в них видят только человека в униформе.

Снова склонившись над корзиной, новоиспеченный капельдинер достал оттуда бутылку первоклассного французского шампанского, поднос и четыре хрустальных бокала. Ловко расставив бокалы и ведерко с шампанским на подносе, он покинул свою ложу и в два шага подошел к соседней.

Открыв ее дверь универсальным ключом, переодетый мужчина вошел в полутемное помещение аванложи, а затем — в саму ложу и вполголоса, с интонациями хорошо вышколенного официанта произнес:

— Господа, ваше шампанское!

В этой ложе сидели четыре человека, две пары.

Одна пара представляла собой совершенно классическую семью богачей — импозантный мужчина лет сорока с решительным и самоуверенным лицом хозяина жизни, в дорогом костюме от известного итальянского дизайнера, с золотым швейцарским хронометром на запястье, и ухоженная женщина с большими зелеными глазами, с красивым и немного помятым лицом скучающей богини, в скромном вечернем платье стоимостью в хороший автомобиль

и с прической, небрежная естественность которой говорила о мастерстве сотворившего ее известного парикмахера.

Мужчина был достаточно крупный бизнесмен, владелец строительной фирмы и нескольких гостиниц, дама — его нынешняя жена, то ли вторая, то ли уже третья по счету.

Вторая пара была совсем в другом духе.

Мужчина был маленький, кругленький толстячок лет пятидесяти, в детском клетчатом пиджачке, круглых очках и шелковой бабочке. Несмотря на такой забавный и даже пародийный вид, в нем можно было без труда узнать крупного адвоката, часто мелькающего на страницах глянцевого журнала и на экране телевизора, человека с железной хваткой и с акульими челюстями.

Дама при нем была самая заурядная, длинноногая блондинка в открытом платье с круглыми голубыми глазами без малейшего проблеска интеллекта, напоминающая рядовую сотрудницу эскорт-агентства, каковой она, по-видимому, и являлась: адвокат имел нетрадиционную ориентацию и пользовался услугами эскорта, чтобы не вызывать лишних вопросов.

К своей спутнице адвокат не проявлял никакого, даже чисто формального интереса: он о чем-то шепотом переговаривался с супругой бизнесмена.

При виде официанта с шампанским адвокат и бизнесмен переглянулись: ни один из них шампанского не заказывал, но каждый подумал на другого.

Тем временем официант ловко откупорил бутылку и наполнил четыре бокала.

Однако не успели четверо разобрать свои бокалы, как их отвлекло новое событие.

Из соседней ложи (той самой, которую только что покинул «официант») по обитому голубым бархатом барьеру перебежал к ним песик в смокинге и бабочке. Блестя выразительными глазками, он спрыгнул на колени к зеленоглазой богине.

Та в первый момент удивленно ахнула, но затем умилилась и принялась гладить собачку.

Тут же из-за барьера показалась обитательница соседней ложи, хозяйка непоседливого песика.

— Пуишечка, детка! — воскликнула она озабоченным голосом. — Куда же ты делся? Вернись к мамочке! Я же говорила тебе, как нужно вести себя в театре! Ах, извините нас, господа. — Эти слова адресовались уже соседям. — Он такой непослушный! Но он очень, очень хотел пойти на этот спектакль! Пу И просто обожает оперу!

Тем временем на сцене уже появилась неподражаемая Анна Нетребко, и зал встретил ее громом аплодисментов, заглушивших сбивчивые извинения дамы с собачкой.

Жена бизнесмена, подхватив песика, попыталась вернуть его хозяйке, но тот вырывался, вертел любопытным носом и совершенно не хотел возвращаться...

Неожиданно на пол упал небольшой сверток в плотной бумаге. Дама вскрикнула, хотела наклониться за ним, но ей мешал непоседливый песик.

В то же мгновение ловкий официант поднял конверт и подал его даме. Адвокат бросил на него острый и подозрительный взгляд, официант встретил этот взгляд выражением совершенной невинности и помог даме справиться с непослушным песиком.

Нетребко исполнила свою первую арию, и снова зал разразился оглушительными аплодисментами.

Песик неожиданно стал послушным и вернулся к своей хозяйке, подозрительный официант также покинул ложу под пристальным взглядом адвоката, и спектакль продолжился своим чередом.

Вернувшись в свою ложу, официант снова переоделся в итальянский костюм, спрятал смокинг и перчатки в пакет, отклеил бородку и вместе с очками отправил ее вслед за смокингом.

Только после этого он присоединился к своей спутнице.

— Пу И отыграл все как по нотам! — проговорил он одними губами.

— А как же! — Дама поцеловала песика в нос. — Чья школа! Пу И прирожденный артист! Я считаю, ты должен повести нас с Пу И в лучший французский ресторан! Мы это заслужили!

— К сожалению, у нас в городе французские рестораны оставляют желать лучшего, — вздохнул мужчина. — Несколько неплохих итальянских я знаю, два-три приличных японских тоже можно найти, на прошлой неделе обнаружил вполне достойный армянский, а вот с французской кухней — сложнее.

— А кто говорил про наш город? — удивленно проговорила его очаровательная спутница. — Я имела в виду ресторан «Хлеб и розы» на рю Флери в Париже. Ну, ты помнишь тот маленький ресторанчик возле Люксембургского сада?

— Ладно, когда закончим операцию, свожу вас в Париж! Вы с Пу И это заслужили!

— Но мы же ее почти закончили...

— Хорошо, а пока проверь кармашек.

Дама приподняла своего песика и запустила руку в глубокий кармашек, незаметно пришитый